

УДК 82.09

Ю.В. Розанов

Вологодский государственный университет

КУРОРТНЫЙ ТЕКСТ А.М. РЕМИЗОВА

Курортный текст А.М. Ремизова составляют главы из мемуарных книг писателя «Взвихренная Русь» и «Мышкина дудочка», отразившие впечатления от неоднократного посещения Эссентуков. В последней книге знаменитый курорт уподоблен раю, куда почти не проникают отголоски трагических событий российской истории и где возможна встреча с духовно близким человеком, пусть и умершим. Такое мистическое предположение позволило Ремизову выразить свое реальное отношение к Лермонтову, Чехову, Короленко.

Курорт, рай, двойничество, революция, символизм, мистика.

В самом начале 1950-х годов в газете «Новое русское слово», выходившей в Нью-Йорке, появилось несколько мемуарных очерков А.М. Ремизова, представителя уже уходящего поколения русской эмиграции. Они легли в основу одной из последних мемуарных книг писателя «Мышкина дудочка», изданной в 1953 благотворительным издательством «Оплешиник» в количестве трехсот экземпляров. Тексты «Мышкиной дудочки» не укладываются в общепринятые рамки мемуарной прозы. Оценивая новую работу Ремизова, Ю.К. Терапиано писал: «Даже с чисто формальной точки зрения словесное мастерство и образная выразительность стиля Ремизова достигает здесь такого уровня, что, читая, даже не отдаешь себе отчета в том, как эта вещь сделана, т.е. ни одно слово не “выпадает” из общего ритма речи, и только остановившись умышленно на формальном наблюдении, начинаешь замечать все особенности ремизовского языка <...> Мир представляет собой как бы сон наяву, все в нем взаимопроникаемо, судьбы людей, животных и “неодушевленных” предметов связаны между собой таинством общей жизни, в мире нет ничего замкнутого в себе и отдельного, которое не могло бы превращаться из одного в другое» [5, с. 4]. Писатель, безусловно, осознавал новаторский, экспериментальный характер своей новой работы. В инскрипте на книге, подаренной своим друзьям – супругам Струве, Ремизов, уже почти ослепший, писал: «Марье Семеновне / Глебу Петровичу / Струве / интермедия к Розовому блеску¹ для передышки тут я гораздил без оглядки и делаю словесные опыты-копыты» [4, с. 383]. Все это в полной мере можно отнести и к «курортному» тексту «Мышкиной дудочки» – главе «В сияньи голубом».

В отличие от других известных писателей Серебряного века, Ремизов долго не мог позволить себе отдых на курортах. Каждое лето, когда литературно-художественный Петербург устремлялся на дачи и в санатории, семья Ремизовых или оставалась в пыльном каменном городе, или довольствовалась деревенскими домами своих знакомых. Только в 1915 году супруги смогли в первый раз позволить себе месячный отдых и лечение в Эссентуках в санатории доктора М.С. Зёрнова. Это оказалось возможным благодаря льготным путевкам общества «Санаторий». Эссентукское вспомогательное общество «Санаторий» было образовано в 1900 году известным московским врачом М.С. Зёрновым, каждый летний сезон работавшим на этом молодом курорте. (Эссентуки стал развиваться значительно позже других курортов группы Кавказских Минеральных Вод.) Общество «Санаторий» ставило перед собой задачу «создать благоприятные условия жизненной обстановки во время лечения в Эссентуках за возможно недорогую плату для малосостоятельных лиц всяких профессий и положений»². Общество строило санаторные здания и фактически бесплатно предоставляло комнаты своим «малосостоятельным» пациентам, которые оплачивали лишь питание и медицинское обслуживание. Первый санаторий общества, рассчитанный на 70 мест, был построен в 1902 году, второй – «Новая санатория» доктора Зёрнова – в 1912. (Сейчас это корпус № 1 санатория «Шахтер».) К 1915 году общество «Санаторий» располагало 244 комнатами, обширной столовой на 300 человек, библиотекой и читальным залом. Вокруг зданий был разбит лечебный парк с аллеями, газонами, цветниками и розариумом. Поблизости находился питьевой бювет «Эссентуки № 17». По пятницам устраивались литературные и музыкальные вечера, пользовавшиеся большой популярностью. В них участвовали как знаменитые артисты и

¹ Писателю в зрелые годы было свойственно рассматривать все свои книги как единый текст, отдельные части которого связаны самыми разными связями, включая игровые и мистические. Здесь упомянут роман Ремизова «В розовом блеске» как более серьезное произведение по сравнению с «интермедией» «Мышкина дудочка».

² Цит. по: Корчевная, А. Город Эссентуки. История и современность [Электронный ресурс] / А. Корчевная. – Режим доступа: <http://rusjourn.ru/show/?id=86116>

писатели, так и скромные любители. «Кого только не пришлось нам видеть и слышать в санаторской столовой: чуть ли не весь Художественный театр со Станиславским во главе, Никулину, Варламова, Давыдова», – вспоминала жена владельца санатория Софья Александровна Зёрнова-Кеслер³. На высоте было и медицинское обслуживание. Зёрнов еще в 1901 году научно обосновал использование воздушных и солнечных ванн в медицинских целях, а в 1910 году открыл в Эссентуках Электросветовой, диагностический и терапевтический институт. К.С. Станиславский восторженно отзывался о курорте: «Здесь, конечно, лучше, чем в Виши [курорт во Франции, в департаменте Аллье]. Мне нравится, как ведет меня доктор Зёрнов. Думаю, что я не обмалокровлю, а напротив...»⁴. Ему вторил другой знаменитый пациент – В.Г. Короленко: «Что касается местности и климата, то они, конечно, лучше Наугейма [курорт в Германии, в Гессен-Дармштадте]. По силе воды не уступают наугеймским, по разнообразию – превосходят. Порядки не так плохи, как прежде рассказывали. По дешевизне – дешевле заграничного. Мы, например, платим в санатории Зёрнова пять рублей за двоих, и очень недурно. Хорошая комната, изрядный стол»⁵.

Думается, что такого же мнения был и Ремизов, страдающий болезнью желудка, по крайней мере он еще дважды (в 1916 и 1917 годах) приезжал с женой в этот санаторий. Три поездки писателя в Эссентуки поразному отразились в его текстах. Более полно представлен третий, последний отдых четы Ремизовых в санатории доктора Зёрнова со 2 августа по 7 сентября 1917 года. Во-первых, сохранился дневник писателя, в котором отражены некоторые события эссентукской жизни, правда, крайне скупо [2, с. 469–478]. (В дневниках он фиксировал, главным образом, свои сновидения.) Во-вторых, в автобиографической хронике «Взвихренная Русь» пребывание на курорте описано в девятом разделе главы «Москва» [1, с. 143–147]. Здесь же встречаются фрагментарные воспоминания о предыдущих сезонах. И, наконец, главу из «Мышкиной дудочки» можно определить как основной курортный текст писателя.

Ситуация в санатории доктора Зёрнова для Ремизова каждый раз выглядела по-новому. Если в августе 1915 года, несмотря на войну с Германией, санаторий имел вполне мирный, можно сказать, идиллический вид, то в 1916 многое поменялось. Ремизов вспоминал курорт той поры: «Эссентуки представляли собой огромный госпиталь: по аллеям бродили бесчисленные раненые на костылях и в бинтах, сопровождаемые сестрами милосердия в форме, в косыночках с красным крестом, спадающими на плечи широкими круглыми пелеринами» [1, с. 144]. Еще хуже стало в 1917 году. В дневниковых записях тех дней тревога, отчаяние, безнадежность. 9 августа: «Сегодня началась за-

бастовка. Чаю нет, дали сырое яйцо и хлеб. Прислуга комнату не убирала. <...> Развал и распад» [2, с. 471]. 14 августа: «Погубили Россию. Неумелость, бесталанность» [2, с. 471]. 10 сентября: «Вчера после трехдневного путешествия с препятствиями вернулись домой. <...> А все-таки здесь легче, свободнее. Как тяжело жить в провинции с подслушиванием и подсматриванием [2, с. 478]. Такие же настроения и в соответствующем разделе книги «Взвихренная Русь»: «И в санатории, как и везде, та же растормошенность, и то же “по военному времени”. Революция вылезла забастовкой: забастовка “служащего персонала”, а во время Корниловского выступления – в “шпионстве”, когда, пользуясь случаем, сводили счеты» [1, с. 144].

Совершенно иные настроения в очерке «В сияньи голубом» – итоговом эссентукском тексте Ремизова, в котором совместились события всех трех сезонов с явным преобладанием августа 1915 года как наиболее благополучного. Злоба дня, которой насыщены курортные записи писателя 1916–1917 годов, или исчезла совсем, или ушла в подтекст, порой едва уловимый. В «сильной позиции» текста находится образ рая. «А какой рай Божий открыл нам московский доктор Михаил Степанович Зёрнов...» «Мы приехали в Эссентуки в ясное августовское утро; помню особенный свет, тепло, распростертые по горизонту горы... И вот мое первое чувство: рай Божий. Среди этой райской благодати начинается наша жизнь...» [3, с. 155].

Сравнение курорта с раем довольно банально, особенно при первом посещении, но в данном случае оно имеет нетривиальное продолжение. В раю (на «том свете») возможна встреча с духовно близким тебе человеком, пусть и давно умершим. На курорте происходит такая мистическая встреча Ремизова с Лермонтовым, гением места Кавказских Минеральных Вод. «В лунные ночи, а эти осенние ночи и тихи и тревожны, земля, натрудившаяся, отдыхает, каменеют ее черные тяжелые горбы: Бештау, Бык, Верблюд и, дымясь мерцающим туманом, уносится Машук – “Выхожу один я на дорогу./ Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит”. И я чувствую его, моего звездного обреченного спутника, – в блестящий кремнистый путь...» [3, с. 155]. Другой цитатой из знаменитого лермонтовского стихотворения писатель озаглавил свое произведение, еще раз подчеркнув космический, райский архетип.

Рассказав о «встрече через века», Ремизов задает себе вопрос, что было бы с Лермонтовым, живи он «в наше время». Ответ выглядит неожиданным и странным: «В газетах его печатали бы на Рождество и Пасху... и вернее, и вовсе не печатали бы: уж очень своен волен и своедумье ни на какую мерку – “не понятно”, “не понимаем!”». Иванов-Разумник – в своих “Заветах” и “Скифах”. Но на “Заветах” не больно разоидешься. А стало быть, случись беда, надо лечиться, – единственный выход: подать прошение в Хлебный переулоч, № 9 доктору М.С. Зёрнову» [3, с. 156]. Ремизов уподобляет прогнозируемую писательскую судьбу Лермонтова своей собственной жизни в искусстве, которую он считал крайне тяжелой и даже трагической. Рассказы, появлявшиеся лишь в праздничных выпус-

³ Цит. по: Корчевная, А. Город Эссентуки. История и современность [Электронный ресурс] / А. Корчевная. – Режим доступа: <http://rusjourn.ru/show/?id=86116>

⁴ [Б. а.] Эссентукские встречи. К.С. Станиславский на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kmvline.ru/lib/ev_15.php

⁵ [Б. а.] Эссентукские встречи. В.Г. Короленко на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kmvline.ru/lib/ev_18.php

ках газет и журналов, постоянные упреки редакторов в том, что автор непонятен для среднего читателя, и, наконец, сближение с Р.В. Ивановым-Разумником и его литературной группой «Скифы» – все это знаки его литературной биографии.

Ессентуки, конечно, рай, курорт подобен раю, но от настоящего рая его отличает наличие довольно сильного и постоянного ветра. На том свете, если судить по распространенным мифологическим представлениям, ветра никогда не бывает. Ветер – единственное, что раздражает писателя, отвлекает его от отдыха и работы, путает листы рукописей, «а то возьмет и лист за листом, играя, закрутит в трубку, не успеешь, и все очутится за окном» [3, с. 156]. Ремизов, похоже, намеренно преувеличивает силу ветра, который в современных рекламных изданиях Ессентуков характеризуется эпитетами «мягкий», «степной», «душистый», «освежающий», т.е. расценивается как еще одно достоинство курорта. Такое преувеличение необходимо писателю, ведь ветер – это символ революции, символ перемен. (Хотя бы по поэме А.А. Блока «Двенадцать», которую Ремизов считал гениальной и в поэтическом, и в политическом смысле.) Революция создает множество неудобств, личных и бытовых проблем, вызывает тревогу и сумятицу в мыслях. Кому можно рассказать о них, кому пожаловаться?

В санатории появляются два новых пациента, две «светлых личности» – Короленко и Чехов. В идеологическом смысле такие люди в санатории Зёрнова более чем уместны. И Владимир Галактионович, и Антон Павлович были, правда, по-разному, «властителями дум и выразителями чаяний» той самой трудовой демократической интеллигенции, для которой и был создан данный санаторий. Естественно, что к Короленко, как к более подходящей для этой цели «светлой личности», выстраивается очередь курортников с различными просьбами и жалобами. Во «Взвихренной Руси» графическим приемом отступа слева писатель выделяет слова, объясняющие тягу людей к «знаменитому русскому писателю»: «Человек есть человек и при всяких ображениях, и при всяких стихийных явлениях, и при каждой точке зрения остается человеком, который может не только есть и пить, но которому больно и мучается» [1, с. 145]. Идет к нему и Ремизов, поговорить и пожаловаться *на ветер*, т.е. на все те проблемы, которые вызвала революция. Короленко очень серьезно отнесся к жалобе, обещал вопрос о ветре обсудить с хозяином санатория и обещание свое вскоре выполнил. «Спрашивал у Михаила Степановича, – сказал как-то Короленко, но уже сурьезно, – Михаил Степанович одобряет: “и слава Богу говорит, не будь этого ветра, и все б мы здесь задохнулись”. И что же оказалось: город Ессентуки – невылазная свалка и зараза, а чистить не желают, чистит ветер» [3, с. 157]. Здесь уже прочитывается «скифский взгляд» на революцию как на очищающую стихию, который во многом был близок и Ремизову. При этом взгляды доктора Зёрнова на климатическую специфику Ессентуков писатель передает довольно точно. Еще в 1903 году на Втором Всероссийском съезде бальнеологов Зёрнов заявлял: «Санитарные условия Ессентукской группы находятся в самом первобытном состоянии. Отсутствие чистого

воздуха – это какая-то роковая принадлежность Ессентуков. Только после дождя и можно им подышать, но в это время невылазная грязь делает улицы почти непроходимыми»⁶.

Во «Взвихренной Руси» общение рассказчика с Короленко показано по-другому, с другим набором фактов, но общая тональность такая же. Владимир Галактионович – «светлая личность», милый, добрый, доступный для всех, многое понимающий человек. Многие, но не все... В заключительном эпизоде содержится легкая критика позитивистских воззрений знаменитого писателя. «Я купил красного зайца: необыкновенного – красный! <...> Заяц изумительный: “он смотрел и все понимал” <...> “Владимир Галактионович, – не удержался я, – какой чудесный заяц, погладьте!” Короленко взял моего зайца и совсем ласково спросил меня, смотря еще ласковее: “Вы убеждены, что неодушевленные предметы чувствуют?” Для меня в ту минуту было это так несомненно, я так носился с этим зайцем, и на такое у меня просто не было слова ответить» [1, с. 146]. По смыслу эпизод соответствует репутации Короленко в символистских кругах, отраженной в афористическом выражении, приписываемом К.И. Чуковскому: «Короленко знает ужасы жизни, но не знает *ужаса* жизни». Возможно, что легкий ремизовский выпад против старомодного позитивизма Короленко отчасти мотивирован и тем, что Владимир Галактионович был одним из тех многих литераторов и редакторов, которые не принимали раннее творчество Ремизова и тем самым препятствовали его литературной карьере.

Перейдем к другой «светлой личности», посетившей демократический санаторий. Высокого седоватого господина в пенсне отдыхающие сначала приняли за графа Витте, но «к вечеру всем стало известно, что это Чехов». В рассматриваемом тексте нет никаких дат и явных временных ориентиров, поэтому мистификация возможна и на уровне некой путаницы живых и уже умерших знаменитостей. Вскоре выяснилось, что это действительно Чехов, но не писатель, а его родной брат Иван Павлович, учитель из Москвы. Впрочем, это прояснено для читателей, обитатели же санатория и рассказчик благодаря «магии имен» видят в скромном учителе великого писателя. «Поддавшись всеобщему убеждению, забывая, что Антон Павлович давно помер, я хоть и называл нашего компаньона Иваном Павловичем, но невольно смотрел и слушал как Антона Павловича, которого только раз, да и то во сне видел, но осеннюю печаль чеховских рассказов и это не холодное безразличное сердце, этот трепет человека, которому открыто о какой-то воле, но пути скрыты, храню в памяти незабытно» [3, с. 161]. По поводу двух Чеховых в произведении возникает мотив двойничества, вполне уместный в курортном локусе, где тот свет (подобие рая Божьего) накладывается на этот.

Мотив двойничества еще раз обыгрывается Ремизовым в такой почти обязательной курортной процедуре как финальная групповая фотография «на память» на фоне фасада главного санаторного здания.

⁶ Цит. по: Город-курорт Ессентуки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kmvtut.ru/>

Ремизов описывает два, даже три фотографических снимка. Первый представляется вполне реальным: «На память решено было сниматься: М.С. с Короленкой и Чеховым, а кругом ступеньками, прижавшись друг к другу, вся санатория...» [3, с. 161]. Эта фотография фигурирует во «Взвихренной Руси». Там она сопровождается несколько анекдотичным рассказом фотографа, упустившим знаменитых клиентов: «Почему не снял больше карточек и во всех видах и положениях...» [1, с. 147]. Второй снимок относится к области мистики и спиритизма. В те годы увлечение мистическим часто пересекалось с новейшими достижениями в области техники. В газетах, например, появляясь сообщения о том, что с помощью специальных методов фотографии и киносъёмки удавалось зафиксировать невидимые простым глазом объекты, например привидения. Еще чаще подобные факты подавались как игра случая: фотографировали одно, а на снимке проявлялось нечто совершенно другое. Спириты, в свою очередь, тоже пытались использовать для личных целей достижения фототехники. Вот как выглядела вторая курортная фотография: «Под деревом на скамейке около старого здания санатории – Короленко и с ним, как уверяли, Антон Павлович Чехов, заложив ногу на ногу, и художник Реми из «Сатирикона», с поджатыми» [3, с. 161]. Известного художника-карикатуриста Н.В. Ремизова-Васильева, подписывающего свои работы музыкальным псевдонимом «Ре-ми», писатель представлял как своего более благополучного двойника, слегка намекая на его близость к infernalному миру – «негритянское обличье» [3, с. 197]. В основе мистификации – частые

случаи путаницы обоих Ремизовых. «Я, как Иван Павлович к Чехову, привык к своей роли: я – художник Реми из «Сатирикона» [3, с. 162].

Текст символически закольцован. Закончен курортный сезон. Разъехались по домам и знаменитости, и простые пациенты доктора Зёрнова. В опустевшем лечебном парке рассказчик встречает маленькую девочку. «“Стой, – сказала она и лукавыми глазенками посмотрела, как проверила: – я тебя сниму”. <...> А она вынула карточку, пальчиком там повела, как фотограф делает: “Готово! – и подает багряный виноградный листок: – Вот ваша карточка”». И эта третья фотография признается Ремизовым перед лицом вечности самой настоящей: «Я не “художник”, не “Сатирикон”, я только осенний виноградный листок» [3, с. 162]. А «кремнистый путь» в вечность указан Лермонтовым...

Литература

1. Ремизов, А.М. Взвихренная Русь // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 5. – С. 3–420.
2. Ремизов, А.М. Дневник 1917–1921 годов // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 5. – С. 423–533.
3. Ремизов, А.М. Мышкина дудочка // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2003. – Т. 10. – С. 3–176.
4. Струве, Г. Надписи А.М. Ремизова на книгах. Из моего собрания / Г. Струве // Русский альманах. – Париж: [Б. и.], 1981. – С. 379–386.
5. Терапиано, Ю.К. [Рецензия на кн. А.М. Ремизова «Мышкина дудочка»] / Ю.К. Терапиано // Новое русское слово (Нью-Йорк). – 1953. – № 15023. – С. 4.

Рецензенты: С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ, Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ.

Yu.V. Rozanov

RESORT TEXT BY A.M. REMIZOV

Resort texts in the works by A. M. Remizov are introduced in the chapters of his *Whirlwind Russia* and *A Flute for Mice* memoir books which are reflecting the impression of his repeated visits to Yessentuki. In the latter book the famous resort is likened to the paradise where the echoes of the tragic events of Russian history can hardly penetrate to and where it is possible to meet some a kindred spirit person, albeit dead. This mystical assumption allowed Remizov to express his real attitude to M. Lermontov, A. Chekhov and V. Korolenko.

Resort, paradise, duplicity, revolution, symbolism, mysticism.